

В. Г. Орлов
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА ФИНЛЯНДИИ

Особенности финляндского права обусловлены его историческим развитием. Для права Финляндии характерны слабая кодифицированность законодательства, а также связанная с этим важная роль судебных решений прецедентного характера и доктрины; особенность финляндского права обусловлена во многом уникальностью финского языка. Современному финляндскому праву присущ правовой плюрализм, проявляющийся в многообразии источников права, включая материально-правовые принципы и реальные аргументы, адекватное применение которых предполагает поддержание консистенции и когеренции, необходимых для существования правовой системы.

У современного права отсутствуют универсальные, независимые от времени и места источники права. В принципе источниками права могут признаваться любые тексты, обыкновения и другие соответствующие материалы, на которые юрист ссылается в обоснование собственных утверждений. Это могут быть формально-правовые источники, которые обязывают судей, а также материальные источники права, которые могут содержать адекватные основания для решения.

Ключевые слова: правовой плюрализм, источники права, доктрина, реальные аргументы, систематизация, толкование

Для цитирования

Орлов В. Г. Генезис и современные концепции источников права Финляндии // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 4–19. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_4.

УДК 34.01

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_4

Введение

Вопрос об определении подлежащего применению права или источников права является ключевым в праве Финляндии, как и вообще в скандинавском праве в силу его особенностей¹. Для скандинавского права характерны в первую очередь слабая кодифицированность, скудость и разрозненность законодательства², вследствие чего доктрина и судебная практика играют важную роль. Это обеспечивает сравнимость скандинавского права с общим (прецедентным) правом.

¹ Подробнее см. [Орлов 2020] и указанную там литературу, а также [Mattila 2002].

² Правовое регулирование в Финляндии осуществляется в первую очередь нормами национального законодательства, включая регулирующие предпринимательскую деятельность нормы частного права, в основе которых лежат обычаи.

Кроме того, особенность финляндского права обусловлена уникальностью финского языка, его существенным отличием от других языков, включая шведский³. В связи с лаконичностью юридического языка Финляндии и доктринальной открытостью ее правовой системы на правовую доктрину страны во многом возложена функция поддержания консистенции (формальной согласованности) и когеренции (содержательной согласованности) национальной правовой системы. При этом термины «консистенция» и «когеренция» выражают идеальные состояния права, которое само по себе является концептуальным артефактом⁴.

³ Финскому языку свойственны дескриптивность и обилие длинных слов при невозможности сокращения их окончаний.

⁴ Однако как реальность право, невзирая на его артефактность, существует, например, будучи зафиксиро-

Проблематике источников права уделили внимание многие ведущие финляндские правоведы (например, К. Макконен, А. Аарнио, К. Туори, М. Ниemi). Особого упоминания заслуживают М. Аалто-Хейниля [Aalto-Heinilä 2020], А. Хирвонен [Hirvonen 2020], Й. Хуса [Husa 2020], Й. Хяюхя [Häyhä 2020], Й. Карху [Karhu 2020], Х. Пихлямяки [Pihlajamäki 2020], К. Нуотио [Nuotio 2020]. Их статьи, посвященные проблематике источников права и опубликованные в журнале *Lakimies* («Юрист») в 2020 г., послужили основой для настоящего исследования, цель которого – осветить современную источник-правовую проблематику Финляндии.

Следует сразу заметить, что финляндское правоведение, не отрицая значения закономерностей в историческом развитии права, не разделяет веры во всеилие линейных, причинно-следственных объяснений установленных истин. Соответственно, моим стремлением при написании этой статьи было добиться конкретности изложения темы и избежать излишних обобщений. Значительное внимание уделено именно историческому аспекту развития права Финляндии. Такой подход основывается на идее о том, что современные источник-правовые концепции в целом отражают современные представления об источниках права, которые, в свою очередь, являются результатом исторического развития права и его концептуального оформления. Затем в статье рассматриваются современная доктрина источников права Финляндии, а также актуальные представления о праве и его источниках в финляндской юриспруденции.

Генезис источников права Финляндии

Шведский период

Начало истории Финляндии¹ можно приурочить к приобщению финнов к «цивилизации» посредством шведских крестовых походов. Она представляла собой тотальную колонизацию территории проживания финнов. В результате колонизации владельцы старинных крупных поместий были сразу лишены своих прав, так как их поместья перешли в собственность короны и католическим

роvanным в законодательных и правоприменительных актах.

¹ Общую историю Финляндии см.: [Мейнандер 2008].

ской церкви. Затем было установлено общее правило о принадлежности государству земли, на которую никто не мог претендовать в качестве собственника. В свою очередь, коронные (государственные) земли было принято дарить с освобождением от налогов за заслуги перед королем, и они стали служить источником формирования знати.

Шведская знать формировалась из собственников жалованных и освобожденных от налога королем земельных владений (через ленное пожалование) со второй половины XII в. Затем согласно королевскому ординансу в Швеции было создано военное феодальное сословие (*fraelse*), в которое вошли крупные светские феодалы и их вассалы, а также епископы и их вассалы. Члены этого сословия получили важную привилегию – освобождение от уплаты постоянных налогов. С тех пор они обрели характерное название *fraelsis maen* – «освобожденные люди».

В ходе колонизации прибрежные территории Финляндии подверглись заселению шведами. Права мигрантов получили приоритет над традиционными правами финнов, особенно в спорах о пользовании землями подсечно-огневого земледелия. Королевское распоряжение 1334 г. дало шведам право обосноваться на «опустошенных огнем» землях финнов для их безналогового возделывания в течение четырех лет. Местным жителям пришлось потерять также права на рыболовство, поскольку в Швеции рыболовство считалось более важным, чем подсечно-огневое земледелие. К тому же выжженные участки вполне подходили для пастбищ шведам, которые платили свои налоги сливочным маслом, а не зерном, как финские земледельцы.

Языковой вопрос был и остается важным фактором развития Финляндии. Во многом это связано с тем, что финский язык уникален и не похож на общеизвестные языки, включая шведский. Шведы, которые мигрировали в Финляндию, сохранили свой язык, управление функционировало только на шведском, и соответственно документы были на шведском. Еще в конце XIX в. шведский язык был единственным официальным языком. Статус официального языка (правда, теперь второго) шведский язык сохранил даже в независимой Финляндии.

Латынь, в свою очередь, пришла в Финляндию вместе с католичеством и была язы-

ком богослужений в период господства католицизма в Швеции. Латинский язык использовался не только в церковных делах, но и в дипломатии, общем управлении, органах юстиции и в частных документах в начале XIV в.¹ Латынь была также языком академического общения. Как научный язык она умерла в начале XVIII в.

Местное управление в Финляндии, которое опиралось на обычаи и оперировало устными знаниями, играло важную роль в правоприменении до XVI в., и соответственно был важным финский язык. Однако получение образования и возможности построить служебную карьеру требовало от финнов владения шведским языком. Вместе с тем независимая от государства и функционирующая согласно каноническо-правовым положениям церковь, пользовавшаяся в средние века до Реформации латынью, позволяла иногда проводить проповеди на национальном языке. В свою очередь, протестантские реформы прямо потребовали перехода в богослужении на национальные языки, и это способствовало появлению финноязычного духовенства; епископами Турку были, например, финны, которые получили образование в Центральной Европе; однако в остальном финны были в основном представлены крестьянами.

Именно благодаря протестантским реформам получил развитие финский литературный язык. Решающим фактором для развития финской национальной культуры и государственности явился перевод Библии на финский язык, начало ему положил опубликованный в 1548 г. перевод Нового Завета Микаэла Агриколы, которого принято считать отцом финского литературного языка.

Традиция подчиненности закону проявилась с начала формирования скандинавского права, и, например, уже при зарождении государственности в Швеции выбранный король присягал народному собранию (тингу) быть обязанным подчиняться закону в своем правлении. К первым ставшим известными правовым источникам, которые упомянуты в конце XIII в. – начале XIV в., относятся законы провинций. Они основывались на

¹ Латынь была языком юридических документов в Швеции в конце XIII в. – первой половине XIV в., и ее следы можно обнаружить в текстах в канцелярском стиле и в документах более позднего времени.

старых обычаях и представляли собой архаичное право, соединенное с принципами канонического права, которое пришло вместе с католической религией. Принципы канонического права касались, помимо церковных вопросов, брачных и наследственных отношений. При этом в части правовой защиты был сильным принцип диспозитивности, и право выбора способа защиты и определения решения у стороны по делу было значительным; к тому же при отсутствии развитого законодательного регулирования правоприменение обеспечивалось в основном судами. Затем с усилением королевской власти были приняты общие королевские законы, посвященные отдельно землям и городам². Земельный (касавшийся аграрных районов) и городские законы были приняты в середине XIV в., и именно они обеспечили дальнейшее развитие шведского права.

Шведское законодательство, предназначенное для городских поселений, многое заимствовало из континентального права. Так, правовой статус города определялся его хартией вольностей, означавшей освобождение от феодальной зависимости. В хартии содержались положения о городском управлении и правах и обязанностях жителей города, во многом обусловленных их профессиональным и сословным статусом. Например, право заниматься профессиональной деятельностью определялось цеховым членством или членством в соответствующей профессиональной корпорации.

Характерной чертой правового регулирования жизни городских жителей был партикуляризм. Городскому праву была свойственна динамичность, и в нем были органично соединены обычное, римское и каноническое право и собственные нормативные акты городских органов управления, направленные на удовлетворение нужд развивающейся экономики. Особенно сильное влияние на городское право оказало городское право Германии: значительную часть городского населения Швеции составляли немецкие бюргеры, а в основанном на территории Финляндии поселении Турку (которое в 1525 г. получило статус города) в XIV в. половина бюргеров, а в XV в. – 20–30 % были немцами, ставшими затем шведами.

² Вместе с тем право принимать участие в выборах короля финны получили в 1362 г.

К середине XIV в. Швеция была феодальным государством, в котором вся власть в центре и на местах принадлежала представителям класса феодалов во главе с королем, и они составляли вместе с духовенством высшие сословия. При этом дворянам (феодалам) предстояло воевать, тогда как духовенству надлежало молиться; в свою очередь, низшие сословия включали бюргеров, которые занимались торговлей и ремеслами, а также крестьян, которым было предназначено вести сельское хозяйство. Эти сословия были представлены в шведском четырехсословном парламенте, первая сессия которого, как принято считать, состоялась в 1435 г.

Державный период истории Швеции (XVI–XVIII вв.) ознаменовался усилением королевской власти, которая стала изымать у дворянства ранее переданные ему коронные земли. Установилась наследственность королевской власти и произошла централизация государственного управления. Осуществленная с 1527 г. по 1593 г. лютеранская Реформация церкви тоже способствовала усилению королевской власти, и ее стремления были направлены на формирование современного национального государства. С Реформацией король стал главой церкви, и соответственно собственность церкви и значительная часть ее доходов перешли к монархии, а церковные обряды были упрощены, и богослужение стало отправляться на национальном языке.

Каноническое право как правовой источник потеряло прежнее значение, хотя его косвенное влияние, во всяком случае на церковное законодательство, все же сохранилось. К тому же именно благодаря каноническому праву получил закрепление принцип *pacta sunt servanda*, или принцип обязательности договора (соглашения), который определил дальнейшее развитие не только гражданского (договорного), но и международного права. Свидетельством влияния римского (канонического) права служит и наставление судьям Олауса (Олауса) Петри, которое было составлено в конце 1530-х гг. и в котором явно видны следы европейского римско-канонического правового мышления. Особенно это касается идеи справедливости (*aequitas*) в финском праве и сегодня; важными также являются высказывания Олауса Петри о необходимости в судебном процессе принимать во внимание цели законодательства и о зна-

чении индивидуального усмотрения судьи в вынесении правильного и правдивого решения [Орлов 2003: 122–124; Орлов 2020: 136].

Наиболее заметное и прямое воздействие римское право оказало на Швецию в XVII в. [Орлов 2003: 120–130]. Важным моментом для развития права выступило создание новой системы органов правосудия с королевскими апелляционными (надворными) судами. Надворные суды были коллегиальными органами, и их членами были дворяне, которые имели юридическое образование. Именно с деятельностью этих судов связана адаптация римского права, которое считалось общим (надгосударственным) правом «цивилизованных» народов и вместе с тем фактически служило опорой ленной аристократии¹ в ее борьбе за власть против короля.

Рецепции римского права способствовало также возрождение юридического образования. В основу образования, которое получали судьи, были положены соответствующие римскому праву образ мышления и постановка вопросов. Систематика и понятия, а также правовые принципы, развившиеся в университетах и основывавшиеся на римском праве, получили распространение в деятельности высших судебных инстанций независимо от национального законодательства. Надворные суды прямо применяли принципы римского права при рассмотрении частноправовых и процессуально-правовых вопросов, и именно правовые принципы, а не казуистические нормы занимали ведущее место в аргументации решений надворного суда.

Наряду с рецепцией римского права продолжало развиваться национальное законодательство, чему способствовала королевская власть, которая не относилась к рецепции римского права благосклонно, так как именно посредством ссылок на римское право часто защищались земельная собственность и привилегии аристократии. Важным законодательным актом в развитии права Швеции является Акт о форме правления 1634 г., который положил основу привязанному к закону управлению и в результате принятия которого ад-

¹ Целью короля Карла XI в 1680-х гг. было лишить власти высшую знать, или ленную аристократию. При этом ленные права подразумевали в Швеции не только частные права на землю, но и такие права публичного характера, как право сбора налогов, а также административную и судебную власть.

министративная юрисдикция отделилась от общей юрисдикции.

Не без поддержки служилого дворянства и низких сословий, которые тоже противостояли знати, король получил абсолютную власть в середине XVII в. Это означало и переход судебной власти к королю, что произошло в 1682 г.: воля правителя стала и законом, и правом¹. Король обязал суды строго следовать национальным законам, что лишило судов власти усмотрения, а аристократию лишило возможностей успешно защищаться от требований короны. В конце 1680-х гг. уже считалось, что законодательство препятствует применению принципа соразмерности. Согласно указаниям короля судебные решения должны были основываться на действующем национальном законе, а не на убеждениях. Несмотря на официальные указания римское право продолжало применяться как субсидиарное право и в тот период считалось «естественным правом европейской цивилизации».

Важную роль в развитии шведской государственности и права играло также земельное законодательство. Еще в 1720-х гг. большую часть территории Финляндии занимали казенные (коронные) земли, которые сдавались в аренду крестьянам, а доля податных земель и наследуемых крестьянских земель была незначительной. Земельные реформы во второй половине XVIII в., направленные на улучшение земельных наделов, привели к тому, что крестьяне получили такие же права на земельную собственность, какими обладали аристократия, духовенство и буржуазия, т. е. был установлен единый режим буржуазной частной собственности на землю. В результате этого исчезли сословные различия, и на смену исключительным сословным привилегиям в качестве определяющих экономические условия функционирования общества пришли деньги и рынок.

Законодательной основой современного финляндского права является Закон (Свод законов) 1734 г., который устранил различия в правовом регулировании жизни в городах и сельской местности и ознаменовал переход

¹ Сословный парламент (риксдаг) в своем решении 1693 г. зафиксировал, что король, как «самодержец и всеми признанный и царствующий суверенный король, ни перед кем на земле не несет ответственности, но обладает властью и силой по своему усмотрению и христианскому убеждению управлять государством».

от средневекового права к правовому регулированию, соответствующему рыночным условиям хозяйствования. Закон означал отход от универсальности правового регулирования, основывающегося на (*ad hoc*) частном применении *jus commune*, и установление системы правового регулирования, базирующегося на национальном общегосударственном и всеохватывающем законе. Вместе с тем в Законе есть следы канонического права, и он отражает естественноправовые идеи, доминировавшие в то время в правовом мышлении, наряду с нормами, частично заимствованными из римского права.

Закон 1734 г. не содержал абстрактных положений, а строился в соответствии с казуистическим методом на положениях, регулирующих отдельные ситуации; при этом только в случае если законодатель ставил себе цель сделать исключение из сложившейся практики, создавалась особая норма. Принятие Закона 1734 г. было скорее переработкой норм обычного права, чем созданием новых правовых норм и конструкций. К тому же отсутствие абстрактных положений наряду с прагматико-позитивистским началом правового акта способствовали его приспособляемости к будущим доктринальным изменениям, которые пришли сперва с доктриной юриспруденции понятий, а затем с учениями, выходящими за рамки правовой догматики.

Период автономии

В результате проигранной войны с Россией в 1809 г. Швеция уступила ей территорию Финляндии. Однако законодательство шведского периода, включая конституционно-правовые акты, продолжало действовать в период автономии в Финляндии согласно манифесту, провозглашенному на заседании первого сословного собрания (сейма) представителей народов Финляндии. Манифест утвердил широкую автономию Великого княжества² в рамках Российской империи и соответственно сохранил на территории Финляндии действие шведских законов, лютеранско-евангелическую церковь и права и привилегии сословий. Таким образом, несмотря на присоединение Финляндии к России, в стране продолжали развиваться скандинавская правовая система и общественный строй, и правовое

² Княжество (герцогство) Финляндии как географическое название было известно с конца XIII в.

единство Финляндии со Швецией не было существенно ослаблено. В целом период автономии способствовал движению страны к независимости.

Именно в то время было положено начало государственному устройству Финляндии. Высшая исполнительная власть принадлежала российскому императору, которому о делах Финляндии докладывал статс-секретарь. Высшую административную власть осуществлял Правительственный Совет, преобразованный в 1816 г. в Императорский Финляндский Сенат. Он состоял из двух департаментов: экономического, в компетенции которого было общегражданское управление, и юридического, составлявшего высшую судебную инстанцию и наблюдавшего за отправлением правосудия в княжестве. При Сенате состоял прокурор, обязанный следить за точным соблюдением должностными лицами законов. Председателем Финляндского Сената был назначавшийся императором в качестве представителя верховной императорской власти генерал-губернатор.

Время правления Александра II принято считать благотворным для Финляндии. Важным для формирования финляндской государственности было принятие Закона о языке 1863 г., который уравнил финский и шведский как официальные языки¹. Царствование Александра II ознаменовалось расцветом экономического либерализма наряду со стремлениями построить в стране конституционно организованное государство. Большое значение для будущего развития Финляндии имело законодательство, которое положило основу предпринимательско-правовому регулированию в стране. Политические реформы привели к закату меркантилистской политики, и пришедшая ей на смену законодательно установленная свобода промыслов (предпринимательства) привнесла изменения в экономическую структуру общества и способствовала переходу от сословного общества к классовому; новые политические ре-

алии нашли выражение в Законе о выборах 1906 г., который узаконил всеобщее право голоса, и старый четырехсословный сейм был заменен однопалатным парламентом (высшим законодательным органом).

В период автономии были сформированы также основные понятия и принципы современного права страны. Вторая половина XIX в. ознаменовалась влиянием германской юриспруденции понятий, а затем Германского Гражданского Уложения на финляндское правовое мышление, в котором значительную роль сыграло и легалистское мышление, подчеркивающее значение правового позитивизма в правовой системе. Развитие правовой теории способствовало абстрактизации правовых понятий и концепций в праве Финляндии, а в дальнейшем – определению роли правовой науки, которая получила выражение в толковании закона, а также в систематизации и развитии понятий.

Период независимости

Во время становления государственности Финляндии и преодоления последствий гражданской войны были приняты конституционные законы и другие законодательные акты, направленные на стабилизацию социальных условий в стране. Вместе с тем новый этап в государственном развитии независимой Финляндии не оборвал ее правовые узы со Швецией, и вскоре они укрепились в процессе осуществления политики скандинавского правового сотрудничества.

Следующий этап – послевоенный – был связан с быстрой индустриализацией страны и последующим переходом к постиндустриальному обществу и означал становление государства всеобщего благосостояния. В нем материализовалась идея правового государства, чему способствовало принятие трудового и социального законодательства. Развитие права стало обеспечиваться не только путем принятия новых законодательных актов, но и посредством дальнейшего развития практической и теоретической юриспруденции, правовой догматики. Важную роль в современной системе права Финляндии стали играть высшие судебные инстанции, верховные суды, на которые была возложена характерная для системы общего права (*common law*) преюдикативная функция, подразумевавшая принятие прецедентных решений (преюдикатов) с целью унификации практики.

¹ В период шведского правления финский язык находился под угрозой исчезновения, так как им нельзя было пользоваться в общении с чиновниками, и не было газет и научной литературы. Финские крестьяне часто обращались к сословному собранию с просьбами о переводе на финский язык его заседаний, а также о принятии во внимание финского языка при выборе кандидатов на государственные должности; однако эти обращения были безрезультатны.

В современный период развития финляндского права также оформилась основа правового регулирования предпринимательской деятельности. В гражданско-правовом регулировании этой деятельности получил законодательное закрепление принцип диспозитивности¹. Вместе с тем было оговорено, что применение принципа свободы договора может быть обусловлено требованиями соразмерности и защиты слабой стороны и вообще требованиями социального гражданского права.

Большое значение имели введение в действие Европейской конвенции по правам человека в 1990 г. и вступление в Европейский союз, которые привели к существенному обновлению законодательства страны. Особенно применение права ЕС, или европейского права, усложнило правовую систему Финляндии, поскольку предполагало воплощение конструкции правового плюрализма². Важным импульсом в развитии права Финляндии затем стало принятие Конституции, в которой нашли выражение принципы социально-правового государства и надлежущего правления.

Современная доктрина источников права

Исторические условия возникновения доктрины

Современное учение об источниках права берет начало в XVIII в., в период концептуального оформления фундамента континентального права. С уменьшением значения *ius cottune* ослабла, а затем и окончательно исчезла политическая легитимация научного права в качестве «права императора» (священной Римской империи). Вследствие этого в правовой науке получила развитие нормативная теория, исследовавшая главным образом то, в каком иерархическом порядке по отношению друг к другу источники права должны располагаться.

В континентальном праве, которому финляндское право в основном следует, источ-

ники права охватывают законы или законодательные нормы, которые являются конструктивными элементами национальных правовых систем, и обычно включают также обычаи и правовую доктрину. Эти источники права, и их понятия и их теоретическое обоснование стали необходимы в связи с упорядочением правопорядка в согласованную систему (с устранением возможных противоречий), которая приняла форму кодификационных актов в странах континентального права в начале XIX в. и заменила традиционный партикуляризм правового регулирования.

Требования развивающейся рыночной экономики и политической демократизации предполагали установление четко функционирующего правового порядка, в котором предсказуемость и равенство были важными ценностями. Это обусловило необходимость сформировать нормативную теорию, основывающуюся на представлениях о рациональности права [Вебер 2018: 158–163] и объясняющую то, как разные источники права должны соотноситься друг с другом, с целью нахождения единственно применимой правовой нормы. Следовательно, континентальный правовой формализм, основанный на новой концепции источников права, привел к тому, что письменные нормы стали наиболее важным источником права, а кодификация правовых норм (на национальном уровне) – необходимостью³. Именно обусловленный рыночной экономикой и демократизацией четко функционирующий правовой порядок с предсказуемостью и общим равенством требовал систематизации права. Систематизация западного права подкреплялась к тому же теориями права, в основном – конкурирующими теориями позитивизма и естественного права. Концепция источников права была особенно нужна для теоретического обоснования позитивного права, чтобы избежать дальнейшего обращения к доктринальной схоластике или метафизике, объясняющей происхождение

¹ Например, нормы Закона купли-продажи 1987 г. применяются, если иное не предусмотрено условиями договора или установившейся между сторонами договора практикой или обычаем.

² Так, в случае совместного применения положений права ЕС и национального права каждое из них должно интерпретироваться в соответствии с собственными правилами толкования и иерархией правовых источников.

³ В свою очередь, в системе общего права, отдельные элементы которого известны праву Финляндии, конструктивными элементами национальных правовых систем являются обязательные для дальнейшего применения судебные решения, тогда как предсказуемость правового регулирования обеспечивает теория *stare decisis* (господствующая сила прецедента). В современной правовой доктрине нормы континентального права и прецеденты общего права как источники права принято теперь рассматривать как равнозначные. См., например: [Pihlajamäki 2020: 1145].

права как присущего природе человека или экзистенциальному мышлению.

Ключевые понятия и теоретическая основа

Современное право опирается по сути на идею о том, что применяющая право судебная власть осуществляется в соответствии с правом, а не по усмотрению правоприменителя (повелителя), и что само право базируется на каком-то внешнем для правоприменителя источнике, причем этот источник и его применение определяются законодателем. Однако в связи с тем что все источники права и их использование не подлежат полному законодательному закреплению, правовой наукой разработана особая доктринальная конструкция, или учение о правовых источниках, согласно которому определяется применение источников права. Источники права могут рассматриваться как в нормативистском аспекте (только те, которые официально включены в соответствующий перечень), так и в дескриптивном аспекте (любое обстоятельство, которое повлияло на принятое правовое решение). С нормативной точки зрения основным правовым источником, как известно, в континентальном праве признается (писанный) закон или статут, тогда как в общем праве – прецедент. В качестве дескриптивных источников права следует упомянуть культурные факторы.

Учение об источниках права направлено в первую очередь на разъяснение того, из какого материала следует и можно делать правовые заключения, или какие источники права обеспечивают принятие наилучшего решения. Учение об источниках права также дает ответ на вопрос о том, каким образом разграничивать правовое и неправовое пространство.

Помимо создания основания для легальной и легитимной правовой аргументации, а также соединения образующих право структур, правовых учений и правоприменительной деятельности, учения об источниках права предназначены для того, чтобы: а) служить самоидентификации права путем определения критериев легитимного отправления власти; б) определять основы теоретической систематизации и прагматической координации права и на базе этого – действующие основания решений; в) определять обязательные источники права и систематизировать

их иерархию; г) наблюдать за фактическим и нормативным состоянием сферы информационно-правового производства и правоприменительной практики; д) формировать общие рамки и теоретическую и концептуальную модель, которые соединяют вместе элементы различных отраслей права; е) формулировать правила использования источников права [Hirvonen 2020: 957].

В узком значении учение (теория) об источниках права подразумевает учение о формальных обоснованиях (толкования) правового решения, которое должно базироваться на правовых источниках и обосновываться следующими из них аргументами. В широком смысле учение об источниках права включает, помимо их перечня, правила употребления правовых источников и нормы, которые направляют правовое усмотрение. Для учений об источниках права, как и вообще для учений о правовой системе, характерна культурная привязанность: учение об источниках права является имманентной частью правовой культуры каждой страны [Орлов 2011]. Соответственно отрицается существование единственного универсального (европейского, не говоря уже о всемирном) учения об источниках права.

Источники права считаются источниками происхождения и содержания права, а также принципами его применения. Они представляют собой главным образом тексты (законы и другие нормативные акты и судебные решения прецедентного характера или преюдикаты), которые содержат правовые нормы, и отражают правовую практику, догматические учения и юриспруденцию. Современное право не признает существования таких трансцендентных источников права, как естественное право и разум, и соответственно источники права являются его имманентными нормативными элементами, которые относятся к позитивному правопорядку, даже если они не привязаны к этическим или моральным факторам.

Источники права составляют основу действующего права, и его принято представлять как систему, элементы которой непротиворечивы в силу требования рациональности права. Место и значение источников права определяются в соответствии с концепциями правопорядка и правовой системы. Обычно под правопорядком понимается совокупность

правовых норм, установленных законодательным и правоприменительным путем и действующих на национальном уровне. Эти нормы выражают право в догматическом измерении, на них распространяются требования формальной согласованности или консистенции. В рамках нормативистско-позитивистского подхода их применение требует обоснования закрепленными законом положениями или источниками права.

Правовая система, в свою очередь, представляет собой научно-правовую совокупность внутренне последовательных и согласованных между собой норм правопорядка¹. В системе права право допустимо понимать в эмпирическом измерении в соответствии с реалистическим подходом как живое право; внимание уделяется его содержательной части, действительным основаниям (источникам).

Правовые системы – предмет изучения правовых теорий, которые не принято сводить к общественным наукам, чьим предметом выступают общественные явления, а также к доктрине права, так как правовые теории являются нормативными. Их цель – указать, каким образом правовые нормы надлежит толковать и применять в соответствии с установленными правилами толкования и правоприменения, или они могут быть нацелены на анализ примененных толкования и права. При этом принято считать, что система права абстрактная, цельная и должна быть открыта для этической аргументации, а также по отношению к экономическим и естественно-научным знаниям и другим ненормативным аспектам действительности. Следует иметь в виду, что внеправовые предложения могут превращаться в правовые (или нормативные) в случае, когда они употребляются как научно-правовые аргументы.

Содержание правовой системы составляют действующие нормы права, и знание о них мы получаем из источников права посредством толкования (с использованием обоснованных утверждений). Именно при помощи толкова-

¹ Система права воплощается в теоретическом правоведении, которое является ее доктринальным измерением, и практической юриспруденции, являющейся ее правоприменительным измерением. Правоведение означает прежде всего толкование и систематизацию национальных правовых норм, которые направлены на поддержание когерентности национального права.

ния происходит переход от источников права к действующему праву.

Ключевые элементы правовой системы в качестве совокупности правовых норм – положения и принципы.

Правовые положения являются точными нормами, которые подлежат или не подлежат применению, и их можно формулировать посредством обычного толкования. Правовым положениям обычно присуща формальная обязательность, и если гипотеза применяемой правовой нормы совпадает с фактическим составом рассматриваемого случая, то применение нормы обеспечивается ссылкой на нее.

Правовые принципы представляют собой нормы общего характера, в которых выражается цель или ценностная основа правового регулирования. Правовым принципам свойственна материальная обязательность, которая основывается на содержательном значении или ценности источника права. Применение данных принципов строится на необходимости применения материального усмотрения, а также аргументации.

В соответствии с правовыми принципами обычно толкуются правовые положения, которые требуют конкретизации. Именно посредством толкования формулируется уточненное положение, или подлежащее применению положение истолковывается вместе с принципом. Вместе с тем правовые положения могут быть исключениями из принципов, а принцип может и отменить положение полностью или частично. К тому же по отношению друг к другу принципы могут быть противоположными, и оба противоположных принципа могут быть применимы в толковании. Следует, однако, уточнить, что применяемые правовые принципы не могут быть между собой противоречивыми.

Традиционно источники права и их иерархия определяются нормативистским образом. При нормативистском или позитивистском подходе традиционная иерархия национальных нормативных актов строится (на уровне правопорядка) на верховенстве Конституции, за ней следуют обычные законы, которым должны подчиняться подзаконные акты: указы и постановления. Источниками частного права признаются и коммерческие (торговые) обычаи. Правопорядок строится обычно на идее о единственно правильном решении.

Современную систему источников права, особенно права Финляндии, следует определить, не только нормативистским образом, но и, исходя из концепции правовой системы, также дескриптивно, признавая источником права любой фактор, который влияет на принятие юридического решения, включая внеправовые факторы. В качестве дескриптивных источников права можно упомянуть культурные факторы и реальные аргументы. Последние означают, например, аргументы, которые используются или могут быть использованы в прагматической попытке установить веские основания для убеждений и действий. При применении реальных аргументов обычно ставится вопрос о том, является ли результат толкования разумным.

Проблема определения применимого источника права осложняется и тем, что в правоприменительной деятельности в Финляндии требуется соблюдать положения права Европейского союза и прав человека. К тому же еще источники права в Финляндии принято разделять по силе их обязательности на сильные, слабые и разрешенные (допускаемые). Сильная обязательность присуща законам и обычаям, а слабой обязательностью характеризуются подготовительный материал законопроектов или цели законодателя, а также судебные решения прецедентного характера. В свою очередь источниками с допускаемой обязательностью являются доктрина и реальные аргументы. При этом принципы или реальные аргументы часто считаются не правовыми источниками, а материальным обоснованием, которое может быть содержанием правового источника или не зависеть от него.

Общую иерархию источников права Финляндии можно представить следующим образом:

наднациональное право и обязательное право Европейского союза;

национальные правовые акты и подготовительные законопроекты;

преюдицаты (прецедентные решения) и другая правовая практика;

правовая литература (доктрина).

При этом в основе современных концепций источников права лежит признание того, что, например, в едином иерархическом списке источников права трудно согласуются национальное право и право ЕС и другое

наднациональное право; соответственно, их иерархия может быть только относительной и выражаться только в требованиях, в силу которых:

вышестоящий источник отменяет противоречащий ему нижестоящий источник права;

право ЕС и Европейская конвенция по правам человека со своей правоприменительной практикой в целом стоят выше системы национального правового регулирования;

правовые акты и прецедентные решения толкуются и применяются в соответствии с правами человека, принципами права, систематикой (правовой системой) и общественно-политическими целями.

Источники права в Финляндии принято разделять по силе их обязательности на сильные, слабые и разрешенные (допускаемые)

Следует еще заметить, что в Финляндии прецедентные (судебные) решения или преюдицаты в качестве источников выступают дополнительными по отношению к законодательству, однако этим их значение не ограничивается. Важно то, что посредством прецедентных решений устанавливается право в случаях отсутствия правового регулирования, а также то, что посредством прецедентных решений право развивается при изменении обстоятельств.

Применение источников права

Определение подлежащего применению права в Финляндии охватывает не только процесс нахождения источника права, но и правовое толкование и правовую аргументацию, а также разрешение правоприменительных коллизий.

Определение подлежащего применению права

Данный процесс происходит на основе формально (или прямо) применимых положений национального, международного права и права ЕС и материально-правовых принципов, которые подлежат реализации в конкретном правовом решении. Выбор во многом определяется и другими источниками права, принципами, систематикой и реальными обстоятельствами рассматриваемо-

го случая, причем обычно выбирается только одно положение.

Правовое толкование

Применение права осуществляется путем толкования в соответствии с его многообразными правилами. Прямое отношение к толкованию имеет подлежащий применению правовой источник, поскольку именно он служит началом умозаключения тогда, когда право понимается как абстрактная, нормативная и концептуальная совокупность, знание которой приобретает путем изучения (обычно чтения) его источников и их толкования. Таким образом, считается, что само право доступно не прямо, а только косвенно, причем именно из источников и посредством их толкования. В правоприменении источник права подлежит толкованию, даже если речь идет об очевидном применении абстрактного правового положения в конкретном случае, предусмотренном этим положением.

Толкование, главным методом которого является аргументация, играет важную роль в установлении как правового источника, подлежащего применению, так и его содержания, а также в обосновании решения. При этом в принципе эвристическое начало или нахождение правильного решения путем его толкования и аргументации невозможно отделить от юстификации, или адекватного обоснования решения.

В правоприменительной практике прибегают в первую очередь к лингвистическому толкованию, в основу которого положено общеязыковое толкование, а также к аргументам, которые базируются на тексте закона, если для этого есть предпосылки¹. Соответственно словам придается согласно буквальному правилу, или правилу простого значения, их очевидный, обычный и буквальный смысл, причем даже если результат будет выглядеть не вполне разумным; вместе с тем общеязыковое толкование исключается при наличии легального определения подлежащего толкованию слова. Толкование может быть в случае необходимости ограничительным и расширительным, что должно быть обосновано. Однако запреты и обязательства не должны толковаться расширительно, тог-

¹ Если, однако, в правоприменении смысл нормы закона невозможно «растянуть», чтобы закон отвечал своему предназначению, то тогда закон подлежит исправлению.

да как исключительные правила толкуются в первую очередь ограничительно. В лингвистическом толковании употребляются также толкование по аналогии и толкование от противного; первое является толкованием за пределами общеязыкового значения, в ходе него отождествляется то, что выглядит различным, а во втором – исключается то, что не охватывается понятием².

Систематическое толкование занимает важную роль в праве Финляндии, что обусловлено его источником-правовыми особенностями. В принципе закон следует какой-то системной идее, и современное право считается рациональным в том смысле, что оно основывается на общих положениях и принципах, отделившихся от частных случаев, и носит системный характер [Häyhä 2020: 1199; Вебер 2018: 158–163]. При этом законодатель открыто допускает, что существенные части правовой системы будут дорабатываться правовой наукой и правовой практикой.

Идея систематического толкования выражается в том, что положение нормы толкуется на условиях правовой системы или в контексте всего правопорядка. Толкование законодательного положения осуществляется в соответствии с отраслевыми понятиями и принципами, которые поддерживают отраслевую систематику, и направлено на поддержание беспробельной и непротиворечивой (когерентной) национальной правовой системы. Систематическое толкование представлено в праве Финляндии 1) контекстуально-гармонизированным толкованием, 2) толкованием, которое соответствует преюдикатам или прецедентным решениям, 3) аналогическим толкованием, 4) понятийно-логическим толкованием, 5) толкованием, основывающимся на принципах, 6) историческим толкованием.

Традиционное систематическое толкование строится на идее о том, что право представляет собой состоящую из норм (положений) аксиоматическую систему, из которой вытекают ясные ответы на нормативные во-

² Однако толкование по аналогии и толкование от противного можно рассматривать как формы логических умозаключений, которые только поддерживают толкование, не будучи ее методом. Таким образом, текст толкование закона играет первоочередную роль, и обычно достаточным является обыденное толкование содержания. Если содержание нормы четко, то обращение к иным методам толкования требует доказательств того, что текст не соответствует закону.

просы. Система, таким образом, считается беспробельной (отвечает на все вопросы)¹ и однозначной (не включает утверждение и отрицание по вопросу одновременно), а также не содержит альтернатив предусмотренным в ней предписаниям, запретам и полномочиям (содержит единственно правильные решения).

Современное представление о систематическом толковании основывается, однако, на критике традиционных понятий. Считается, что ключевую роль в систематическом толковании должны играть не взаимоотношения формально действительных положений, а потребность в различных инструментах взвешивания правовых источников, посредством которых можно поддерживать единство ценностной и целевой основы самой правовой системы.

Нужно отметить, что при скептическом подходе к процессу толкования само толкование означает создание нового смысла (значения), т. е. предполагается, что у подлежащего толкованию текста нет никакого готового, объективного значения, которое можно установить. По характеру толкование всегда субъективно, поскольку право как объект толкования само является (безреферентным) артефактом, и оно неотделимо от морали и требований справедливости. К тому же значения слов в принципе не имеют точных границ, и поиск значения слова всегда зависит от собственных представлений субъекта. Именно в соответствии с современными представлениями право не считается аксиоматической системой, в которой из одного предложения можно прямо получить нужный результат. В действительности это творческий процесс, представляющий собой установление (производство) права, а не его нахождение. Следовательно, если единственно полного и объективного знания о содержании права не существует, и параллельные обоснованные толкования возможны, то уже наличие стремления найти наилучшее толкование правовой нормы можно считать адекватным. Кроме того, в конкретных ситуациях разрешения предпринимательского спора доказанность изложенного стороной толкования будет оцениваться не в последнюю очередь

¹ При этом правоприменитель обязан принять решение и не может сослаться на отсутствие или неясность правовой нормы.

в соответствии с принципом диспозитивности с учетом поведения противной стороны².

Вместе с тем только если результат иного толкования неудовлетворителен, имеется возможность воспользоваться телеологическим³, или целевым, толкованием, и при этом обычно выбирается такой вариант толкования, который будет наилучшим образом обоснован в свете применения предыдущих методов толкования.

В целевом толковании определяющими являются цели правовой нормы, нормативного акта, а в более широком контексте целевое толкование ориентируется на соответствие целям отрасли или правопорядка. Основными формами целевого толкования выступают исторически целевое или субъективно-целевое и объективно-целевое или телеологическое толкование. При исторически целевом толковании выясняются первоначальные цели законодателя (изложенные, например, в подготовительном материале законопроекта), тогда как при телеологическом все усилия должны быть направлены на реализацию наилучшим образом цели правовой системы, а также подлежащего применению актуального нормативно-правового комплекса, и это представляет особую важность по отношению к праву ЕС.

Кроме того, в правовом толковании принято следовать таким общим правилам толкования, как буквальное правило, в соответствии с которым предпочтение в толковании полностью отдается тексту; доктринальное правило, которое требует учета ранних правовых решений и правовой практики; благоразумное правило, согласно которому принимаются во внимание последствия альтернативных решений.

Финляндскому праву известны и особые правила необычного толкования, которые касаются прав граждан (в соответствии с Конституцией), прав человека (в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека), а также европейского права, правовых принципов и фактических обстоятельств. Эти правила имеют приоритет перед другими (обычными) правилами толкования.

² См., например: [Aalto-Heinilä 2020: 907–915].

³ Телеологическое толкование представляет собой консеквенциональное усмотрение, и при его применении выясняются действительные последствия применения того или иного варианта толкования.

Правовая аргументация

Важную роль в правоприменении и непосредственно правовом толковании играет аргументация, которая обосновывает толкование, обеспечивает его правовое признание. Это особенно необходимо в сфере широкого правоприменительного усмотрения, присутствующего в правовой системе Финляндии, основывающейся на скудном и разрозненном законодательном материале.

С применением аргументационного метода осуществляется правовое толкование юридических текстов, которое всегда основывается на источниках права. По общепринятым правилам процесс правовой аргументации состоит в следующем:

вначале заявляется тезис или утверждение о содержании подлежащей применению правовой нормы;

затем следует аргументация, в ходе которой тезис обосновывается посредством правового источника, на который делается ссылка в утверждении;

на стадии демонстрации это утверждение должно быть обосновано в соответствии с источник-правовыми учениями настолько, насколько оно станет соответствовать представлениям правового сообщества, члены которого получили юридическое образование, или станет одобряться этим сообществом.

Согласно современным требованиям открытости и транспарентности правовых обоснований, обусловленным целью правовой предсказуемости, только действительно открытая аргументация дает возможность адекватно оценить решение.

Разрешение правоприменительных коллизий

Определение применимого правового источника является серьезной проблемой для финляндского правоприменения в силу источник-правовых особенностей права Финляндии. Они связаны прежде всего с плюрализмом источников права, когда наряду с национальным законодательством подлежат прямому применению международно-правовые нормы и нормы европейского права. При этом, например, в случае совместного применения положений права ЕС и национального права каждое из них должно интерпретироваться в соответствии с собственными правилами толкования и иерархией правовых источников.

В соответствии с принципами, предназначенными для разрешения коллизий правовых положений, признается возможность возникновения как логического, так и нормативного противоречия. Вместе с тем принято считать, что действующее право (т. е. правовая система) не может быть противоречивым, следовательно, обнаруженные в начале правоприменительного процесса противоречия должны удаляться посредством надлежащего толкования, которое подлежит также материальному обоснованию.

По общим правилам разрешения коллизии правовых норм подлежащие применению положения в первую очередь следует «подогнать» друг к другу. Применению указанных правил также предшествует их толкование, подчиненное обычно принципу следования общему закону, а специальный закон, в случае его коллизии с общим законом, толкуется с учетом целей и принципов общего закона и его положений, которые дополняют положения специального закона (если они не исключены полностью). Если же возможное противоречие между общим и специальным законом не разрешается посредством толкования, то специальному закону может быть отдано предпочтение.

Актуальные представления о праве и его источниках

В последние десятилетия, после принятия Конституции, присоединения к Европейской конвенции по правам человека и вступления в ЕС в праве Финляндии произошли значительные парадигмальные изменения, которые проявились прежде всего в том, что жесткие догматические учения в правовой доктрине потеснил материально-правовой элемент.

Современное развитие права в целом перестало быть исключительной монополией правоведов, и определение потребностей правового регулирования является сегодня прежде всего вопросом правовой политики, которая отражает потребности общественного развития. К тому же роль правоведения стала во многом сводиться к легитимации произошедших в правовом регулировании изменений наряду с обеспечением консистентности и когерентности национальной правовой системы; это нашло также отражение в совершенствовании законодательной техники. Причем

в основе современных концепций источников права лежит признание того, что, например, посредством единого и иерархического списка источников права трудно согласовывать национальное право и право ЕС и другое наднациональное право, а также требования принципов защиты прав человека, которые обладают самостоятельной обязательностью. Соответственно при слабой кодифицированности законодательства, характерной для права Финляндии, право продолжает существовать живым, подлежит фиксации не столько в законодательных, сколько в правоприменительных актах, и ему чужда идея о всеобщей кодификации.

Современное состояние учений об источниках права характеризуется попытками его доктринальной конкретизации, например, в «конкретной доктрине источников права» или в «учении источник-правовой конкретности»¹, теоретической основой которого являются реалистические и динамические представления о праве. В соответствии с этими представлениями право берет начало в нормативном материале и затем охватывает правовые структуры и процессы принятия решений, и их основной идеей является отсутствие у современного права универсальных независимых от времени и места правовых источников.

«Учение источник-правовой конкретности» призвано соединить правовой материал, структуры и практику, в основе построения его предмета лежат три правила, определяющие современное право. Согласно эпистемологическому правилу право определяется как самоограниченное, позитивное и формально-рациональное явление, тогда как рефлексив-

но-оценочное правило предполагает в отношении к праву объективную критику, а также оценку оснований действительности и целевой рациональности. В свою очередь, применение правила справедливости проявляется в практике принятия решений в конкретных случаях и в ситуационной чувствительности правовой практики, с одной стороны, и с другой – в качестве контекстуального элемента, связанного с правовыми принципами и основными общественными ценностями.

В любом случае нормативные, концептуальные и фактические элементы учений об источниках права привязаны к структурам общественного порядка и формам отправления власти. «Учение источник-правовой конкретности», кроме прочего, демонстрирует неопределенность и многообразие современного права. Открытость представлений об источниках права позволяет признать существование правовых лагун соответствующим реалистическим учениям, а также признать отсутствие правового источника последней инстанции, из которого лагуны могут быть восполнены.

Таким образом, у современного права отсутствуют универсальные, независимые от времени и места источники права. В принципе источниками права можно признать любые тексты, обыкновения и другие соответствующие материалы, на которые юрист ссылается в обоснование собственных утверждений. Это могут быть формально-правовые источники, которые обязывают судей, а также материальные источники права, которые могут содержать адекватные основания для решения. Несмотря на невозможность его точного определения право, представленное в его источниках и правоприменительных актах, однако, существует как находящееся в развитии явление, причем привязанное к ценностной основе общества.

¹ Здесь сделана попытка осмыслить термины *konkreettinen oikeuslähdeoppi* и *concrete theory of sources of law*, употребленные в статье А. Хирвонена [Hirvonen 2020].

Список литературы

- Aalto-Heinilä M.* Voiko oikeuslähteiden tulkinta olla objektiivista? // *Lakimies*. 2020. № 7-8. P. 903–924.
- Häyhä J.* Oikeustiede ja oikeuskäytäntö – lainsäätäjän työn jatkajia? // *Lakimies*. 2020. № 7-8. P. 1197–1204.
- Hirvonen A.* Konkreettinen oikeuslähdeoppi: normimateriaasta rakenteisiin ja ratkaisutoimintaan // *Lakimies*. 2020. № 7-8. P. 954–971.
- Husa J.* Tuomioistuinratkaisut oikeuslähteenä – oikeuslähdeoppi ja oikeusyhteisön kulttuurinen identiteetti // *Lakimies*. 2020. № 7-8. P. 972–992.

- Karhu J. Kohti 2000-luvun oikeuslähteoppiä // *Lakimies*. 2020. № 7-8. P. 1017–1034.
- Mattila H. E. S. Vertaileva oikeuslingvistiikka. Helsinki: KauppaKaari, 2002. 739 p.
- Nuotio K. Oikeuslähteoppiä suomalaisen tapaan // *Lakimies*. 2020. № 7-8. P. 1236–1249.
- Pihlajamäki H. Länsimaisen oikeuden lähteet: varhaismodernista moderniin oikeuteen // *Lakimies*. 2020. № 7-8. P. 1126–1145.
- Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Высш. шк. экономики, 2018. 336 с.
- Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 2008. 66 с.
- Орлов В. Г. Правовая догматика и договорно-правовые аргументы в скандинавском праве // *Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права*. 2011. № 5. С. 45–62.
- Орлов В. Г. Римское право в правовой системе Финляндии // *Древнее право. Ius antiquum*. 2003. № 1. С. 120–130.
- Орлов В. Правовая система Финляндии // *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 2020. № 1. С. 134–153.

Владимир Георгиевич Орлов – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент международного контрактного права Хельсинкского университета. 191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48. E-mail: vladimir.orlov@saunalahti.fi.

ORCID: 0000-0003-2346-6543

Genesis and Modern Concepts of Sources of Law in Finland

Peculiarities of the Finnish law are the results of its historical development. The law of Finland is characterized by a weak codification of its legislation as well as the important role of judicial precedents and doctrine; the peculiarity of Finnish law is also caused by the uniqueness of the Finnish language. The modern Finnish law is subjected to legal pluralism, emerging in the diversity of sources of law, including material law principles and real arguments, the adequate application of which requires the consistency and coherence necessary for the existence of the legal system.

The modern law is missing of the universal timely and locally independent sources of law. In principle, any text, custom and other corresponding material, referred to by a lawyer in representing the arguments for his allegations, may be recognised as a legal source. Moreover, these could be formal sources of law that are mandatory for judges, as well as material law sources that may contain adequate grounds for the decision. Although the impossibility of its exact definition, the law, being represented in its sources and judicial acts, exists, however, as a developing phenomenon related to the value basis of the society.

Keywords: legal pluralism, sources of law, doctrine, real arguments, systematization, interpretation

Recommended citation

Orlov V. G. Genesis i sovremennye kontseptsii istochnikov prava Finlyandii [Genesis and Modern Concepts of Sources of Law in Finland], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 4, pp. 4–19, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_4.

References

- Aalto-Heinilä M. Voiko oikeuslähteiden tulkinta olla objektiivista? *Lakimies*, 2020, no. 7-8, pp. 903–924.
- Häyhä J. Oikeustiede ja oikeuskäytäntö – lainsäätäjän työn jatkajia? *Lakimies*, 2020, no. 7-8, pp. 1197–1204.

Hirvonen A. Konkreettinen oikeuslähdeoppi: normimateriasta rakenteisiin ja ratkaisutoimintaan, *Lakimies*, 2020, no. 7-8, pp. 954–971.

Husa J. Tuomioistuinratkaisut oikeuslähteenä – oikeuslähdeoppi ja oikeusyhteisön kulttuurinen identiteetti, *Lakimies*, 2020, no. 7-8, pp. 972–992.

Karhu J. Kohti 2000-luvun oikeuslähdeoppia, *Lakimies*, 2020, no. 7-8, pp. 1017–1034.

Mattila H. E. S. *Vertaileva oikeuslingvistiikka*, Helsinki, Kauppakaari, 2002, 739 p.

Meinander H. *Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnye momenty* [History of Finland. Lines, Structures, Turning Points], Moscow, Ves' Mir, 2008, 66 p.

Nuotio K. Oikeuslähdeoppia suomalaisen tapaan, *Lakimies*, 2020, no. 7-8, pp. 1236–1249.

Orlov V. G. Pravovaya dogmatika i dogovorno-pravovye argumenty v skandinavskom prave [Legal Dogmatics and Contract Law Arguments in Scandinavian Law], *Rossiiskii ezhegodnik predprinimatel'skogo (kommercheskogo) prava*, 2011, no. 5, pp. 45–62.

Orlov V. G. Rimskoe pravo v pravovoi sisteme Finlyandii [Roman Law in the Legal System of Finland], *Drevneye pravo. Ivs antiqvm*, 2003, no. 1, pp. 120–130.

Orlov V. Pravovaya sistema Finlyandii [Legal System of Finland], *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, 2020, no. 1, pp. 134–153.

Pihlajamäki H. Länsimaisen oikeuden lähteet: varhaismodernista moderniin oikeuteen, *Lakimies*, 2020, no. 7-8, pp. 1126–1145.

Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo* [Economy and Society], Moscow, Vyssh. shk. ehkonomiki, 2018, 336 p.

Vladimir Orlov – doctor of juridical sciences, professor of the Civil law department, Herzen State Pedagogical University of Russia; docent of international contract law, University of Helsinki. 191186, Russian Federation, Saint Petersburg, Moika Embankment, 48. E-mail: vladimir.orlov@saunalahti.fi.

ORCID: 0000-0003-2346-6543

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2022